

А.Н. ФАТЕНКОВ¹

¹*Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского, Нижний Новгород, Российская Федерация*

ФИЛОСОФИЯ КАК ЖИЗНЕННАЯ СПУТНИЦА САМОСТОЯТЕЛЬНОГО ЧЕЛОВЕКА

Аннотация. Данная статья посвящена проблеме определения статуса философии в номадической, технократической цивилизации современности. Представленный материал уточняет характер взаимоотношений философского знания и мировоззрения. В соотношении с религией и наукой автор ставит целью прояснить статусно-ролевую характеристику философии как социально-культурного и экзистенциального феномена, в результате чего демонстрирует необходимость сохранения (охранения) философии в пространстве современной культуры. В образной, метафорической и полемической форме читателям предлагается задуматься о судьбе не столько университетской дисциплины – академической философии (чаще истории философии), сколько о знании, воспитывающем честность и ответственность, – знании, повествующем о Целом и открывающем живую связь его частей. Суть позиции автора лаконично репрезентирует заголовок статьи.

Ключевые слова: человек, самостоятельный человек, мировоззрение, философия, спутница жизни.

A.N. FATENKOV¹

¹*Nizhny Novgorod State University them N.I. Lobachevsky, Nizhny Novgorod, Russian Federation*

PHILOSOPHY AS A LIFE COMPANION OF SELF-SUSTAINED MAN

Abstract. This article deals with the problem of determining the status of nomadic philosophy, technocratic modern civilization. The material specifies the nature of the relationship of philosophical knowledge and worldview. In correlation with religion and science writer aims to clarify the status and role of philosophy as a characteristic of the socio-cultural and existential phenomenon, resulting in the need to preserve the exhibits (care) philosophy in the space of contemporary culture. In figurative, metaphorical, and polemical form readers are invited to reflect on the fate of not only university discipline - academic philosophy (often the history of philosophy), but about knowledge, educate honesty and responsibility, - knowledge, tells the story of Overall and open living relationship of its parts. The essence of the author's position succinctly represents the title of the article.

Keywords: man, self-sustainedman, world-outlook, philosophy, life companion

Не об абстрактной сущности осевого культурного феномена и исконной университетской дисциплины пойдёт речь. Коснёмся существа философии, не поверхностного и вместе с тем предельно конкретного, ставящего её в один ряд с живой натурой, в ближайшую близь к человеческим мыслям, эмоциям и телодвижениям.

Разговор о философии ведётся, как правило и вполне оправданно, в мировоззренческом контексте. *Мировоззрение есть предпосылка, процесс и результат более или менее систематического осмысления мира, внешнего и внутреннего, с целью надёжной ориентации в нём.* Оно формируется по мере того, как человек осознаёт и небесстрастно продумывает своё отношение с природой, культурой, обществом, с самим собой. Отношение – всегда – складывается на основе взаимодействия, которое – в данном случае – наличествует с необходимостью. Объяснений тому несколько, и все они размещаются между двумя полярными. На одном полюсе постулируется: человек есть существо неполное, незавершённое (наши ненасытные потребности с очевидностью свидетельствуют об этом), однако стремящееся свою неполноту и незавершённость преодолеть. Искреннее это желание или лукавое, неважно. Так или иначе, люди с неизбежностью обращаются к окружающей среде: природной, социальной, культурной. Та нужна каждому из нас ещё и как фон для кристаллизации собственного Я. На другом полюсе утверждается: человек отличается избытком качеств, внутренних ресурсов, которые он не может не выплёскивать из себя вовне. Иногда – в форме дара, чаще – в виде отходов жизнедеятельности и производства. Сопрягая крайности, подбираемся к искомому человеческому коду: «недо – пере». Мы постоянно находимся в ситуации устойчивой, тенденциозной неравновесности, перемежаемой моментами устойчивости – неравновесной, зыбкой, эфемерной. В переходный период, в эпоху перемен данный факт становится экзистенциально и социально выпуклым, почти банальным вследствие его массовой верификации и множества безыскусных житейских интерпретаций.

Мировоззрение никогда не бывает одноуровневым: только обыденным, либо исключительно сверхобыденным (философским, научным, религиозно-теологическим, мифолого-магическим). По крайней мере, в это хочется верить. Иначе нам не избежать необязательных жизненных потерь и никчёмных приобретений. Обыденное мировоззрение вырастает из повседневного опыта, оправдывает и планомерно количественно расширяет его; ограничиваясь им одним, мы загоняем себя в тупик мещанства. Ничуть не продуктивнее и замкнутое в себе элитарное восприятие реальности. Маг, колдун, шаман, навсегда расставшийся со сферой профанного, вольно или невольно профанирует сферу сакрального; оставаясь собой, ему не обойтись без охламонов-соплеменников, пляшущих вокруг костра. Теолог, отгородившийся от небезгрешной посюсторонности, прямоком впадает в схоластическую ересь. Философское и научное видение мира, отчуждённое от обычных человеческих радостей и невзгод, раз за разом конструирует объективистские абстракции. Доминирование в мировоззрении сверхобыденного компонента не гарантирует достойной и счастливой жизни. Но последний невозможен вовсе без идей и устремлений, выходящих за рамки тривиального повседневного существования. Если, разумеется, не принимать во внимание довольство и счастье самовлюблённого, нечуткого обывателя.

Выбор легирующих присадок для обыденного мировоззрения невелик, и философия с религией оказываются тут конкурирующими ингредиентами, обладая и существенно различающимися, и схожими чертами. В принципиальной полемике масштабных метафизических парадигм показательное столкновение двух онтологий. Они обе заняты отысканием наиболее достоверной, наиболее ценной реальности – бытия, абсолюта. Но в философской онтологии указание на Бога есть лишь одно из возможных решений означенной проблемы, тогда как в религиозной онтологии (теологии) оно единственное.

Причём ни одна философская онтология, даже выпестованная на богословских факультетах, не соразмерна догматическому религиозному канону: она явно или неявно дрейфует к ереси, исподволь или открыто культивирует богоборчество, осторожно или воинственно пропагандирует атеизм. Вспомним, выпускник-теолог Тюбингена утверждал, что не существует никакой непознаваемой вещи-самой-по-себе – стало быть, не существует никакой трансцендентности и никакого Бога. У выпускника-теолога Фрайбурга находим не менее интересную мысль: вторгающееся в мир бытие нуждается в человеке как в своём пастухе. Ну где тут место всеильному сверхъестественному существу?

И философия, и религия пытаются и считают корректным вести речь о конечных, финальных причинах существования и состояниях человека, общества и природы. Иначе говоря, обе они в той или иной степени телеологичны. Сближаясь друг с другом по этому параметру, философия и религия совместно дистанцируются от науки, которая – со времён Р. Декарта – запрещает себе апеллировать к причинам целевым, концентрируясь на отыскании и изучении причин действующих. Вдобавок, философия и религия – в форматах антропоцентризма и теоцентризма соответственно – предпочитают скорее отличать человека от остального сущего, тогда как наука – в формате системы объективных закономерностей – скорее уподобляет его остальному сущему. Однако в религиозной оптике особенность человека усматривается не столько в его возвышении над всем иным тварным, сколько в ничтожестве перед Творцом, пред которым, несомненно, ничтожно и всё иное тварное. Здесь, через умалюющее уподобление всего сотворённого, намечается небезопасная для людей – для их экзистенции, свободы, бытийной самостоятельности – структурная смычка религии и науки.

Становление новоевропейской науки, как отмечает А. Койре, «совпадает с открытием позитивного характера понятия бесконечности» [6, с. 19]. Религиозная генеалогия высвеченной интеллигентной установки вполне прозрачна: Бог (авраамических религий) есть актуальная бесконечность; мир, возвращающийся к Богу, есть бесконечность потенциальная. Встречным курсом бесконечность мироздания дедуцируется из постулируемой безграничности способностей человеческого *ratio*. Апелляция к божественной инстанции здесь необязательна, но и не исключена. Г. Галилей, например, прямо уравнивает математический ум учёного с божественным разумом. Даже для нерелигиозного человека, коим является автор настоящего текста, подобное отождествление выглядит претенциозно-кощунственным. Исчисление бесконечно малых величин означает в пределе исчисление Бога, по крайней мере, Бога-в-вещах. Однако с не меньшей вероятностью в калькулируемых деталях может скрываться дьявол, влачить существование вовсе безжизненное иное. Гипостазирование математических абстракций никогда ещё не заводило человека в райские кущи, а в тенёта виртуальной реальности – регулярно. Не только оцифровкой умаляется метафизический, в частности религиозный, абсолют, но и отождествлением с (актуальной) бесконечностью. Она вуалирует онтологическую полноту и личностную ипостась абсолютного (божественного) начала. Учёный стремится уподобиться Богу и, во многом именно поэтому, втайне интригует против него, постепенно вытесняя с привилегированных позиций: из трансцендентности, из нулевой точки системы координат. Если Вселенная бесконечна (безгранична, беспредельна), то невозможен и взгляд на неё извне, со стороны. При этом наука настаивает на объективности своих итоговых данных (включая и те случаи, когда признаёт, что на промежуточных стадиях исследования

влиянием наблюдателя пренебречь нельзя). И неудивительно: она калькирует религиозный сюжет. Быть внутри чего-то и, одновременно, независимым от этого чего-то – догматическая прерогатива Бога. *Наука есть религия* (теоретического, теологического уровня), *оперирующая количественными поправочными коэффициентами*. В результате, поэтическим слогом А. Рембо: «Нет более богов, стал богом человек, / Но без любви сей бог – калека из калек» [10, с. 41]. Любовь, как и всякое настоящее чувство, отсылает не в трансцендентные дали – в глубины, вполне земные, душевного переживания.

Философ открыто соперничает с Богом, заведомо отличая себя от религиозного абсолюта, не претендуя на его место, но и не отдавая – ни Господу, ни господину – своё. Философия берётся тут метафизически – не позитивистски и даже не феноменологически только – ориентированная, непременно подразумевающая онтологическую составляющую и не чуждая экзистенциального нрава. Истоком философского и научного осмысления мира является внутренний побудительный мотив, внутренний опыт человека. Философия рождается от удивления. Перед уникальностью. Перед тем, что хоть что-то существует; что существует нечто, а не ничто. Наука, подобно религии, порождается страхом. Перед регулярностью, неумолимо действующей, – и перед возможным её прерыванием. Читаем у Л. Витгенштейна: «Природа веры в единообразие событий, по-видимому, яснее всего проявляется в том случае, когда мы испытываем страх перед ожидаемым. Ничто не могло бы заставить меня сунуть руку в огонь – хотя ведь я обжигался лишь в прошлом» [1, с. 219]. Новый ожог – новая боль. Ещё страшнее, если не испытаешь боли в огне: исключённый из правила теряется в неопределённости, недоумевает. Страх предметно проникает в философию, когда в нарисованной ею картине мира объявляется трансцендентность, которая начинает рационально осмысливаться без надлежащей иррациональной подпорки. Когда есть сомнения в подлинной религиозной вере (Б. Паскаль) или нет сомнений в отсутствии таковой (С. Кьеркегор). Страх идёт на убыль, если онтологический статус трансцендентности невысок и, напротив, приподнят уровень иррациональной защиты человека: его веры в себя и в чудесно-таинственное, в уникальную неестественную естественность, скрытую от профанного опыта, но не запредельную вовсе человеческому бытию. Сомнителен ход К. Ясперса, усмотревшего экзистенциальный исток «осевого времени» в открывшейся человеку бездне: дескать, стоя над пропастью, он узревает ужас мира и собственную беспомощность [см.: 14, с. 33]. Увидеть бездну нельзя, можно лишь заглянуть в неё. Впрочем, философствующий грек, почитающий душевно-телесный космос, и заглядывать-то в неё не будет. В крайнем случае, не рефлектируя, а, «содрогнувшись, страсти полон» [3, с. 195], бросится в неё, как Эмпедокл в жерло вулкана. Задним числом вводить христианскую, авраамическую трансцендентность в античную картину мира вряд ли корректно. И теоретически, и практически. Сеять страх там, где ему не на чем произрастать. Зависть перед бесстрашными?

Наука старательно перелицовывает своё деяние, заменяя внутренний опыт внешним, превращая настрой познающего субъекта в объективно выстроенную картину мира, освидетельствование человека – в профессионально выполненную патологоанатомическую экспертизу. Самый сильный, и всё же половинчатый, аргумент в защиту научной стратегии – в квазирелигиозном самопожертвовании учёного. Религиозный человек, отрекаясь от себя, от греховного в себе, жаждет приобщиться к совершенному субъекту, к личностному абсолюту и не поминает его имени всуе. Человек науки, отказываясь от своей

субъективности, намерен приобщиться к объективной, обезличенной истине, выставляя её на всеобщее обозрение. Критики сциентизма не без иронии указывают на неотличимость научной объективности от интересубъективности и конвенциональной общезначимости, на антропо-социоцентризм всякой научной парадигмы. По Ф. Ницше, «законосообразность природы» без сомнения эквивалентна и вторична по отношению к принципу социального законопослушания [см.: 8, с. 135].

Философ говорит не о законах и не о промысле, а о судьбе, не слепой и не податливой, – о своенравной сопернице, суровой и милостивой, отталкивающей и обольстительной. Вот образцовое рассуждение Н. Макиавелли. «...Дабы не была утрачена наша свободная воля, можно, думается мне, считать за правду, что судьба распорядится половиной наших поступков, но управлять другой половиной или около того она предоставляет нам самим». И «раз судьба изменчива, а люди в поведении своём упрямы, то они счастливы, когда судьба в согласии с их поведением, и несчастливы, когда между ними разлад. Полагаю, однако, что лучше быть смелым, чем осторожным, потому что судьба – женщина, и, если захочешь владеть ею, надо её бить и толкать. <...> И наконец, как женщина, судьба всегда благоволит к молодым, потому что они не так осмотрительны, более отважны и смелее ею повелевают» [7, с. 103–105]. Русская *судьба* вообще страннее странного. Вроде бы самая грозная принуждающая инстанция – и вместе с тем с ней вполне можно спорить ради встречи с любимым человеком; ей можно даже отдавать всё плохое, всё хорошее оставляя себе. О том наши песни. «В большинстве употреблений слова *судьба* в современной живой речи нельзя усмотреть ни мистики, ни фатализма, ни пассивности...» [12, с. 210].

Да, в философии есть и мужчина и женщина, и эллин и иудей. Как роженица кричит на родном языке, так и философ только родным словом прикасается к подлинной, сокровенной реальности. Понятна непереводаемость некоторых знаковых культурных лексем с одного языка на другой. Неудивительны замены латиницы национальной лексикой мыслителями итальянского Возрождения и немецкой Реформации. Сомнительна нынешняя тенденция подверстать любую речь под английскую. Убийственно для глубокой, живой мысли её оцифровывание. Что радует и тревожит в этой жизни мужчину, что трогает, что вызывает в нём прикосновенный трепет? Родина и ремесло – которые он любит, и женщина – которая любит его. Круг замкнулся. И для Бога в нём места нет. Только любовь, земная и человеческая. Её плоды – детским смехом, ворчанием старика, всеми извилистыми ветвями твоего рода – прорывают замкнутость бытия. Но бережно, не раздирая его в клочья.

Философия – женского рода и потому, естественно, предмет повышенного мужского внимания. Прежде чем назвать меня гендерным шовинистом (я не обижусь), загляните в энциклопедический словарь. Имена философов-дам, если и встретятся, пересчитываются по пальцам одной руки. И неспроста. Сократ – участник военного похода, Платон – олимпиец, М. Хайдеггер и А. Камю – отменные футболисты, Э. Юнгер – доброволец Первой мировой, окопный лейтенант. Они лично и жизненно убедительны. В них средоточие уверенной в себе силы – и одновременно высший градус реализма, когда без манерности и надрыва выговаривается: «“Что не может меня погубить – делает меня сильнее”, но то, что может – сильнее стократ» [13, с. 55]. В философии мужчина находит то, чего ему недостаёт в натуральной спутнице жизни, и редактирует то, чего в женщине через край. Философия же в исполнении прекрасного пола – всё одно что женский футбол. Недоразумение. Для дам и

белобилетников придумали культурологию. Ничего не имею против этой дисциплины, но не надо смешивать. На худой конец, «смешать, но не взбалтывать». Хвори сегодняшней жизни, культуры, философии во многом обусловлены ослаблением мужского начала. Его лихорадит: вульгарно, гламурно, патетически. Ему грозит толерантность унисекса и бесполой штиль. Генетики утверждают, что мужчины – вымирающий биологический вид. Единственное серьёзное возражение тут – философское, стоически-экзистенциальное. Пусть мир сходит с ума и летит в тартарары, пусть линия эволюции переходит в пунктир, но я буду упрямо стоять на своём. «...Будучи пессимистом по отношению к человеческому уделу, я оптимист по отношению к человеку» [5, с. 257]. Мужчина не изменяет себе, пока способен что-то сделать с женщиной и с властью, пока не тяготится от природы данной жизненной автономией.

Религия настаивает на связанности человека; на том, что ему – одному – в этой жизни не выстоять и без помощи – свыше – её не пройти; религиозный человек обречён быть если не падшим, то ведомым. Философия, не отрицая людских привязанностей и пут, зарождается и существует поныне как идейное подспорье жизненно самостоятельного человека. Она, устами Гераклита, ответственно заявляет: «Человек в ночи себе свой зажигает огонь», пусть даже «ночь – первейшая богиня» [2, с. 161, 159]. Это изрекает, что немаловажно, не антропоцентрист софистического толка, авантюрно противопоставляющий человека природному миру и зубоскалящий над сакральной реальностью, а натурфилософ («физиолог», «физик»), для которого человек «противовратной» гармонией органично сращён с небездушным космосом, населённым к тому же богами и гениями. Но то вполне земные, олимпийские боги, с которыми можно и посостязаться, и кутнуть.

С онтологической точки зрения отношение к религиозной сфере есть частный случай отношения к сфере сакрального, чудесно-таинственного. Философия (разумеется, метафизического, непозитивистского толка) дорожит чудесно-таинственной гранью бытия, оберегающей человека от падения в цинизм, однако не торопится уравнивать её с гранью религиозно-божественной, тем более – с трансцендентным Богом авраамических вероучений, включая новозаветное. Сакрализована может быть природа, родная земля и кровь, домашний очаг, близкий человек, удивительное переплетение людских судеб. Конечно, подобная метафизическая процедура чревата опасностями, срывами. Такова жизнь – и не надо преждевременно сокрушаться и унывать. Ведь где опасность, там зреет спасение. «*WoaberGefahrist, wächst / dasRettendeauch*» [3, с. 144]. Не стоит жертвовать красотами метафизических глубин, пугаясь пришествия бесноватых политиков, ловко паразитирующих на неповерхностном, иррациональном. В тоталитарное непотребство легко соскользнуть и с одномерного мыслительного примитива, и с незатейливой бинарно-рассудочной плоскости.

Ценя универсум и его иерархию, держим в уме культуру и человека. «Философия значит столько, сколько значит философ. Чем больше величия в человеке, тем больше правды в его философии» [5, с. 29]. Религия и наука поостерегутся с аналогичными признаниями. Субъектный, антропоморфный компонент знания классической наукой разоблачается как след идолопоклонства, неклассическая наука вынужденно терпит наблюдателя, влиянием которого пренебречь уже нельзя. Ценностное уравнивание религии с верующим будет знаком людской гордыни, осуждаемой догматом как смертный грех. Очевидной крамоллой оказывается и прямая зависимость истинности веры от величия страждущего. Направленность религиозной логики с очевидностью противоположна: чем

истиннее вера в человеке, тем больше его величие (если слово «величие» вообще здесь уместно). Монотеистические религии постулируют тотальную греховность людей. Именно поэтому один кающийся грешник ставится выше девяноста девяти праведников, не имеющих нужды в покаянии (см.: Лк.: 15, 7). Ибо и тем не смыть с себя первородное клеймо. Да и не грешат ли они поныне, пренебрегая перманентным саморазоблачением? Философ не станет льстить человеку, претенциозно записывая себя, ближнего или дальнего в праведники. Он пристрастно задумается над статусом беспорочного существа, вспоминая строки А. Рембо: «Послушай, Праведник, ты глуп, ты гаже суки! / Не ты страдаешь – я, посмевающий бунтовать!» [9, с. 119]. Философ никогда не будет сковывать и истязать людей веригами послушания. «Человек виновен – но виновен он в том, что не смог справиться со всем самостоятельно, и вина эта со временем стала ещё тяжелее» [5, с. 224].

Философия учит людей самостоятельно, а значит, и ответственно мыслить, глубоко почитая при этом наследие мировой и отечественной культуры. Подобного нельзя сказать ни о религии, ни о науке. Религиозное сознание жёстко нормировано системой догматов, научное – постулатами господствующей парадигмы. В отличие от этих сопредельных культурных феноменов философия и её история неразделимы. Идеи Гераклита и Парменида сегодня не менее актуальны, чем в античную эпоху. Тогда как монотеист вряд ли с глубоким почтением отнесётся к исторически ранним, политеистическим верованиям, а учёный нововременной формации – к аристотелевской физике и геоцентризму. Сомнение, скепсис, иронию философия направляет в первую очередь на саму себя, а не на своих мировоззренческих конкурентов, чего в ответ от них реалистично не ожидает. Философ, наверное, не будет строить новых религиозных храмов (он лучше поможет возвести библиотеку), но и старых рушить не станет (если не выродится в политика). Напротив, церковь в альянсе со светской властью регулярно, с латинских времён до нынешних российских, закрывает или молчаливо помогает закрывать академии.

Философия зарождается в кругу свободных людей, и дух свободы в ней неистребим. Свободен тот, кому для нравственной жизни не обязательны внешние помочи в виде морали и права. Свободный человек не отрицает наличия авторитетов – он выступает против их неавторитетного навязывания и надеется содержательно превзойти встреченных им на жизненном пути мастеров. Философ не против веры как состояния души. Традиция экзистенциализма последовательно подчиняет интеллект душевности. Несомненно, душа и вера выше абстрактной логики и отвлечённого инструментализма. Однако вера вере рознь. Кто-то верит в себя, другим доверяя или не доверяя. Это естественная и жизненно оправданная мужская позиция. Это позиция философа. Кто-то верит в Другого, в роли которого может выступить и Бог, и партия... Она поближе. Он подальше. Или наоборот. Неважно. Принципиальной разницы нет. Всё равно, перед нами Другой. В его помощи, как и в постоянном присутствии другого Я, этого бдительного «внутреннего» соглядатая, нуждается неуверенный в себе человек с ушибленным (травмированным) и расколотым сознанием.

Христианская религия, православная версия которой сегодня у нас активно реанимируется и целенаправленно внедряется правящим слоем в общественное сознание, возникает в среде рабов и подневольных. Данный факт – из истории Римской империи – неопровержим. И нечего удивляться, что «при всех противоречиях социальных и моральных принципов в евангельском христианстве всё же доминирует одна этическая норма:

проповедь терпения, покорности, прощения обид. <...> Она всегда на руку эксплуататорам» [11, с. 472]. Трудно не согласиться с выводом известного отечественного исследователя С.А. Токарева. Небезоснователен созвучный критический тезис: новозаветное учение обильно впитало в себя рабское мировосприятие, воспроизводит и тиражирует его. В каноническом наставлении без стеснения используется соответствующий термин: освободившиеся от греха становятся *рабами Богу*, обретая святость и жизнь вечную (см.: Рим. 6: 22). Можно сколько угодно говорить, что библейский раб не чета рабу языческому, но, бесспорно, оба они находятся в личной зависимости от господина, небесного или земного. И если от земного владыки ещё можно избавиться, захотев и взяв в руки оружие, то от небесного – никогда. Сермяжная правда апостола Павла в том, что вечная жизнь действительно сродни рабству: заражена безысходностью; обретенная, она уже не может быть отвергнута. Вечность дарует бессмертие, но отнимает рождение. В вечности никто не появляется на свет. Не всякий рождённый – дитя любви, но без рождения ребёнка любовь – несчастье или забава. Вечность не обременена любовью. Не обременена она и свободой. Христианство легко управляется с негативной человеческой свободой (свободой от греха), но с положительной свободой человека ему приходится туго. Да и как иначе, если отнюдь не все люди – свободно – принимают евангельскую истину. Вот и приходится: то – пороуэлловски – толковать раболепие как гимн подлинной свободе, то – цинично – уравнивать раба и свободного во Христе. Пафос смирения, культивируемый религиями и поощряемый властителем в подданных, неизменно оборачивается и против властителя. Свободный за счёт несвободы других дискредитирует свободу и сам утрачивает её. Но к подданным она не перетекает, от поражения господина те не выигрывают ничего.

«Если Бога нет, то всё дозволено» – хрестоматийно повторяем мы вслед за героями Ф.М. Достоевского. И заблуждаемся. Человек делает только то, что может (может и хочет, возможно, не сознавая того) сделать. Независимо от того, сам может и хочет или по наущению. Безотносительно к тому, существует Бог или не существует. Разница в другом. Если Бог есть, то все и каждый ответственны за всё, и это всё тем самым вольно или невольно получает в итоге оправдание. Включая любую мерзость [ср.: 4, с. 106-107]. Если Бога нет, то все и каждый отвечают не за всё, и далеко не всё уже может получить в конце концов оправдание; появляются некоторые, кто никогда уже чего-то не оправдает, а за что-то и за кого-то будет стоять до конца. Таков настоящий человек. Во всех смыслах слова «настоящий». Абсолютная ответственность человека, оказывающаяся неискупимой виной за попустительство злу, – такая же напраслина и профанация его сущности, как и постулат о безграничной человеческой свободе.

Настаивая на ценности и достижимости земной свободы, философия, по крайней мере экзистенциально-реалистического толка, выше свободы поставит самостоятельность человека. Аргументация такова. У свободы две грани: позитивная («свобода для») и негативная («свобода от»). Последняя подталкивает нас к наивному и бесплодному (по большому счёту) отождествлению свободы и независимости: дескать, полная свобода может быть достигнута существом, не зависящим ни от чего и ни от кого, находящимся в вакууме. Самостоятельность не имеет негативной содержательной грани. Ей концептуально чужд соблазн полной автономии и рецепт вакуумирования индивида – наоборот, близка идея сущностной укоренённости субъекта в бытийном, его и только его, месте пространства. Мироззрение самостоятельного человека подчёркнуто топологично и пронизано

почвенническим мотивом. Понятно, забвением Родины, выкорчёвыванием корней, трусоватым побегом от себя свободу не обрести.

Эффективно функционирующему социуму и его технологам философия, разумеется, не нужна. Не удивлюсь, если её вскоре изгонят из Дома на Волхонке и, потихоньку, из университетских аудиторий. Конечно, она в сердцевине своей «неоправданно затратна»: заумна и вместе с тем дурашливо-проста; она печётся о полнокровном человеке, не третирует его страстную натуру и одновременно взывает к его совести; оттачивает вкус, поощряет изящество, возвышенные стремления и тут же без сантиментов обращает нас к суровой действительности. Философия сродни жизни и чужда технологическим схемам. Она не станет их поддерживать и прославлять. И потому по меркам эффективности – обречена. Чтобы опровергнуть этот вывод, философии следует не приспособляться к ситуации, не мимикрировать, а в очередной раз по-волчьи прыгнуть через расставленные вокруг неё флажки. Неужели уважающий себя интеллектуал, озабоченный повышением своего рейтинга и индекса (того, который на букву «h»), опустится до бартерного цитирования (ты – меня, я – тебя) или до подстановки собственной фамилии в аспирантские тексты! И каково придётся тому потенциальному автору иностранных, западных журналов, кто в силу своих жизненных установок и ценностных предпочтений не собирается подыгрывать «розовато-голубоватой» публике, не восхваляет плюрализм и мультикультурализм, иронизирует по поводу либерализма и феминизма! Что прикажите, мазохистски коллекционировать уколы и ярлыки; униженно перестраиваться; сочинять схоластические, ничего и никого не трогающие опусы? Нет уж, чёрта с два! Если окажется исчерпанным теоретический ресурс сопротивления натиску технократизма, выхолащивающего совесть, волю, чувства и живой ум, у университетского профессора останется почти непочатый практический ресурс: выйти на улицу и вывести за собой студентов, тех, кто по-человечески и корпоративно доверяет ему.

Философию давно пытались оптимизировать и приручить. Механизмы выбирались разные: от приторной лести до откровенного уничтожения. Её называли госпожой, царицей наук – и методично превращали в их методологическую прислугу. Ранее философия побывала в служанках у теологии, позднее – у идеологии. Последний мезальянс, исторически хорошо нам известный, с очевидностью показал, что даже социалистическая система, которая априори, казалось бы, нацелена на устранение экономического гнёта, которая декларирует приверженность подлинному (не абстрактному) гуманизму и содержательной (не формальной) свободе, философию как таковую терпит с трудом, по идеологической неволе. Теология, наука, идеология... Круг теоретического опрошения философии почти замкнулся. Ей осталось только отыграть до конца роль теории искусства, чем она сегодня всё чаще и занимается. В масштабах экзистенциального и социального бытия эта роль второго плана, если не вовсе маргинальная. Ведь человеку с развитым эстетическим, художественным вкусом – будь то автор произведения или зритель (в расчёт берётся по преимуществу визуальное, а не вербальное искусство – таковы реалии эпохи) теоретические изыски не больно-то и нужны.

Философии, если инстинкт самосохранения в ней не иссяк, не остаётся ничего иного, как упрямо отстаивать свою культурную самостоятельность и всеми силами держаться её. Собственно, именно жизненной самостоятельности философия и учит человека в первую голову. Властным структурам, естественно, та и другая поперёк горла. «Полезно от них сомнительно, а вред очевиден». Выражение, впрочем, обоюдоострое. Да, от философии веет

неповиновением и бунтом – когда человека превращают в винтик или переменную пропозициональной функции. Чего ж удивляться! Но ни шумная заваруха, ни тем более дешёвое фрондёрство – не самоцель. В приоритете – антропологическая защита. *Философия – не служанка и не госпожа, а жизненная спутница самостоятельного человека.*

ЛИТЕРАТУРА

1. Витгенштейн Л. *Философские исследования* // Витгенштейн Л. *Философские работы*. Ч. I / пер. М.С. Козловой, Ю.А. Агеевой. М.: Гнозис, 1994. С. 75-319.
2. Гераклит Эфесский: всё наследие на языках оригинала и в рус.пер.; крат. изд. / подгот. С.Н. Муравьев. М.: Ад Маргинем Пресс, 2012. 416 с.
3. Гёльдерлин И.Х.Ф. *Стихотворения* / пер. Н. Самойловой. М.: Летний сад, 2011. 256 с.
4. Жижек С. *О насилии* / пер. А. Смирнова, Е. Ляминой. М.: Европа, 2010. 184 с.
5. Камю А. *Записные книжки <Май 1935 – март 1951>* / пер. <О. Гринберг, В. Мильчиной> // Камю А. *Соч.*: В 5 т. Харьков: Фолио, 1998. Т. 5. 410 с.
6. Койре А. *Очерки истории философской мысли (о влиянии философских концепций на развитие научных теорий)* / пер. Я.А. Ляткера; общ.ред. А.П. Юшкевича. М.: Едиториал УРСС, 2003. 272 с.
7. Макиавелли Н. *Государь. Рассуждения о первой декаде Тита Ливия. О военном искусстве* / пер. М.С. Фельдштейна М.: Мысль, 1996. С. 37-108.
8. Ницше Ф. *По ту сторону добра и зла. Разделы первый и второй* / пер. А.В. Михайлова // *Вопросы философии*. 1989. № 5. С. 122-149.
9. Рембо А. *Праведник (фрагмент)* / пер. М. Кудинова // Рембо А. *Парижская оргия*. М.: ЭКСМО, 2006. С. 118-121.
10. Рембо А. *Солнце и плоть* / пер. В. Микушевича // Рембо А. *Парижская оргия*. М.: Эксмо, 2006. С. 40-46.
11. Токарев С.А. *Религии в истории народов мира*. М.: Республика, 2005. 543 с.
12. Шмелёв А.Д. *Русская языковая картина мира: Материалы к словарю*. М.: Языки славянской культуры, 2002. 224 с.
13. Юнгер Э. *Излучения (февраль 1941 – апрель 1945)* / пер. Н.О. Гучинской, В.Г. Ноткиной. СПб.: Владимир Даль, 2002. 783 с.
14. Ясперс К. *Истоки истории и её цель* // Ясперс К. *Смысл и назначение истории* / пер. М.И. Левиной. М.: Политиздат, 1991. С. 27-286.

REFERENCES

1. Vitgenshtejn L. *Filosofskie issledovanija* [Philosophical investigations]. *Filosofskie raboty*. Ch. I transl. M.S. Kozlovoj, Ju.A. Ageevoj. Moscow, Gnozis Publ., 1994. Pp. 75-319. (In Russian)
2. *Geraklit Jefesskij: vsjo nasledie na jazykah originala i v rus.per.; krat. Izd.* [Heraclitus: All heritage in the original languages and in rus.per.; summary publication]. Prep. S.N. Murav'jov. Moscow, Ad Marginem Press, 2012. 416 p. (In Russian)
3. Gjol'derlin I.H.F. *Stihotvorenija* [Poems]. Transl. N. Samojlovoj. Moscow, Letnij sad Publ., 2011. 256 p. (In Russian)
4. Zhizhek S. *O nasilii* [About violence]. Transl. A. Smirnova, E. Ljaminoj. Moscow, Evropa Publ., 2010. 184 p. (In Russian)

5. Kamju A. *Zapisnye knizhki <Maj 1935 – mart 1951>* [Notebooks <Maj 1935 – mart 1951>]. Transl. O. Grinberg, V. Mil'chinoj. Kamju A. Comp.: 5 vol. Har'kov, Folio Publ., 1998. 5 vol. 410 p. (In Russian)
6. Kojre A. *Očerki istorii filosofskoj mysli (o vlijanii filosofskih koncepcij na razvitie nauchnyh teorij)* [Essays on the history of philosophy (about the influence of philosophical concepts on the development of scientific theories)]. Transl. Ja.A. Ljatker; general editor. A.P. Jushkevicha. Moscow, Editorial URSS, 2003. 272 p. (In Russian)
7. Makiavelli N. *Gosudar'. Rassuzhdenija o pervoj dekade Tita Livija. O voennom iskusstve* [Emperor. Discourse on the first decade of Livy. About the art of war]. Transl. M.S. Fel'dshtejna. Moscow, Mysl' Publ., 1996. pp. 37-108. (In Russian)
8. Nicshe F. *Po tu storonu dobra i zla. Razdely pervyj i vtoroj* [Beyond Good and Evil. The first and second sections]. *Voprosy filosofii*, 1989, no. 5, pp. 122-149. (In Russian)
9. Rembo A. *Pravednik (fragment). Parizhskaja orgija* [Righteous (fragment). Paris Orgy]. *Parizhskaja orgija* Transl. M. Kudinova. Moscow, JeKSMO Publ., 2006. Pp. 118-121. (In Russian)
10. Rembo A. *Solnce i plot'. Parizhskaja orgija* [The sun and the flesh. Paris Orgy]. Transl. V. Mikushevicha. Moscow, Jeksmo Publ., 2006. pp. 40-46. (In Russian)
11. Tokarev S.A. *Religii v istorii narodov mira* [Religion in the history of the world]. Moscow, Respublika Publ., 2005. 543 p. (In Russian)
12. Shmeljov A.D. *Russkaja jazykovaja kartina mira: Materialy k slovarju* [Russian language picture of the world: Contributions to the dictionary]. Moscow, Jazyki slavjanskoj kul'tury, 2002. 224 p. (In Russian)
13. Junger Je. *Izluchenija (fevral' 1941 – april' 1945)* [Radiation (February 1941 - April 1945)]. Transl. N.O. Guchinskoj, V.G. Notkinov. St. Petersburg, Vladimir Dal', 2002. 783 p. (In Russian)
14. Jaspers K. *Istoki istorii i ejo cel'. Smysl i naznachenie istorii* [The origins of history and its purpose. The meaning and purpose of history]. Transl. M.I. Levinoj. Moscow, Politizdat Publ., 1991. pp. 27-286. (In Russian)

© Фатенков А.Н., 2016

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Фатенков Алексей Николаевич – доктор философских наук, заведующий кафедрой философской антропологии факультета социальных наук Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского, Нижний Новгород, Российская Федерация

INFORMATION ABOUT AUTHOR

Fatenkov Alexey Nikolaevich - Doctor of Philosophy, Head of the Department of Philosophical Anthropology, Faculty of Social Sciences, Nizhny Novgorod State University them NI Lobachevsky, Nizhny Novgorod, Russian Federation